

Дмитрий Стратиевский

Есть ли у современной России идеология?

Выходные данные

Издатель:

Friedrich-Ebert-Stiftung e.V. (FES)
Годесберггер Але 149
53175 Бонн
Германия

www.russia.fes.de
Alexey.Yusupov@fes.de

Ответственный за издание:

Отдел международного сотрудничества, Российская программа
Фонда им. Фридриха Эберта

Ответственный за содержание и редакцию:

Алексей Юсупов

Мнения, выраженные в данной публикации, могут не совпадать с позицией Фонда им. Фридриха Эберта. Коммерческое использование материалов, опубликованных Фондом, не допускается без его письменного согласия. Публикации FES также не могут быть использованы в целях предвыборных кампаний.

март 2025
© Friedrich-Ebert-Stiftung e.V.

Другие публикации Фонда им. Фридриха Эберта
вы можете найти здесь:

□ www.fes.de/publikationen

Дмитрий Стратиевский
Март 2025

Есть ли у современной России идеология?

Содержание

От «демократии» к «Суверенной демократии»	5
«Русский мир»?	6
Путинизм?	7
Есть ли в России госидеология либо идеология в принципе?	8
Список источников	11
Об авторе	11

Есть ли у современной России идеология?

20 век был веком идеологий. Большинство авторитарных и тоталитарных режимов прошлого столетия придерживались некоего перечня представлений о внутреннем устройстве государства, его роли в мире, а также проповедовали определенную концепцию будущего, опираясь на реальные факты из прошлого либо надуманные псевдоисторические конструкции. Линейка идеологий была весьма широка, от вполне четких (нацизм или коммунизм) до расплывчатых («Новое государство» при Антониу Салазаре в Португалии). Даже светские ближневосточные и североафриканские деспотии, еще частично сохранившиеся в начале нынешнего века, продолжали вербально придерживаться идеологических постулатов, таких как баасизм, «арабский социализм» или «Третья всемирная теория» ливийского диктатора Муамара Каддафи. Не готовы отказаться от своей государственной идеологии и ныне существующие тоталитарные государства, такие как КНДР. В то же время ряд латиноамериканских и африканских диктатур, персонифицированные режимы того же периода, обходились без конкретной идеологии.

За почти четверть века путинского правления отношение Кремля к государственной идеологии как таковой неоднократно претерпевало изменения, от весьма благожелательной до резко отрицательной. Были ли различные внутри- и внешнеполитические концепции путинского периода идеологиями? Является ли таковой современная российская общественно-политическая модель, путинизм, или Россия остается неидеологической автократией?

От «демократии» к «Суверенной демократии»

В первые годы президентства Владимира Путина вопрос о некоей «особой» российской идеологии был неуместным. РФ продолжала позиционировать себя в качестве демократии западного типа в соответствии с действующей Конституцией 1993 года («Российская Федерация - Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления». Ст. 1.1.) Путин подчеркивал, что разделяет все атрибуты и ценности демократической модели. Например, в 2000 году он утверждал: «Демократия – это диктатура закона, а не тех, кто по должности обя-

зан этот закон отстаивать». Кремль активно дистанцировался от идеологии, «от любых -измов», как тогда было принято говорить. Меры по сворачиванию ельцинских демократических начинаний, давление на независимые СМИ и оппозиционных политиков, поэтапный демонтаж парламентаризма, гипертрофированное укрепление властной вертикали в целом и института президента в частности, если и признавались, то объяснялись «государственными шагами» с целью сохранения российского суверенитета, восстановления контроля Москвы над всей территорией РФ, а также необходимостью создания благоприятных условий для ускоренного экономического или политического развития. Возвращение музыки советского гимна в 2000–2001 годах и реставрация отдельных элементов советского прошлого не являлись попыткой идеологического возврата в эпоху СССР и «уравновешивались» антисоветскими и антисталинскими заявлениями первых лиц.

Дискуссии о некоей новой идеологической канве для российского государства начались во второй путинский срок. Первая попытка создания мировоззренческой основы для изменившейся страны датируется 2005–2006 годами. Это было, несомненно, связано с рядом событий, таких как явный поворот к авторитаризму, теракты в России, в первую очередь, захват заложников в Беслане, относительная стабилизация ситуации в Чечне, в также с международным контекстом, в частности, Оранжевая революция в Украине 2004–2005 годов, в которой Кремль видел вызов своему влиянию на постсоветском пространстве. Авторство концепции «Суверенной демократии», как правило, приписывают помощнику президента Вячеславу Суркову, представившему ее активистам партии «Единая Россия» в феврале 2006 года и пытавшегося включить доктрину в программу ЕР в качестве нового идеологического постулата. Однако этот термин еще ранее стал употребляться одним из ключевых кремлевских идеологов Глебом Павловским, политологами Виталием Третьяковым, Вячеславом Никоновым и другими. Формально новая доктрина имела много общего с распространенной американской «Sovereign Democracy» и старалась совместить наличие демократических институтов с «защитой национальных интересов» и «намерением России самостоятельно определять путь развития в соответствии с собственными представлениями, без «оглядки» на

Запад». Об этом прямо говорил Третьяков, перечисляя критерии строящегося государства, «одновременно демократическое, свободное (суверенное) и справедливое» и заявляя даже о существовании «политической философии Путина», то есть поднимая новую концепцию на самый высокий уровень. Сурков выводил четыре основных критерия такой модели: «интеллектуальное лидерство, сплочённость элит, национально ориентированная открытая экономика и умение защищаться». Похожее мнение высказывал и Алексей Чадаев: путинская модель якобы не позволяет «вычеркнуть из политической жизни русскую нацию и культуру» и не допускает «решение вопросов русского суверенитета» за пределами России, в международных центрах.

Дискуссия о «Суверенной демократии» проходила довольно интенсивно. Этот проект даже стал своего рода маркером, отличавшим друг от друга двух конкурентов на временное президентство в России в 2008–2012 годах, «ястреба» Сергея Иванова, поддержавшего идею, и «либерала» Дмитрия Медведева, ее критиковавшую. Так «суверенная демократия» по-российски стала предметом внимания западных исследователей и политиков. Некие особенности «российского пути» позволили Ивану Крастеву охарактеризовать Россию в качестве «нетривиальной автократии», а Петер Шульце все же видел в инициативе Суркова определенную идеологическую подоплеку. В целом, Запад довольно сдержанно реагировал на внутрироссийские дебаты, даже в чем-то признавая справедливость «отдельного российского пути». Разве что Джордж Буш обратил внимание на то, что «суверенной демократии» не существует.

На практике «Суверенная демократия» не означала даже «ограниченную» или «управляемую» демократию. Она не обозначала новую идеологию, а фиксировала конец старой, демократической, лишь начавшей слабо утверждаться при Борисе Ельцине. На мировой арене Путин продолжал называть себя «абсолютным демократом» и утверждал, что в России нет предпосылок к возвращению тоталитарного режима (интервью журналу *Der Spiegel* в 2007 году). Внутри страны он становился более откровенным. В своем президентском послании 2005 года Путин настаивал на закреплении за Россией исключительного права «самостоятельно определять и сроки, и условия реализации принципов свободы и демократии». Двумя годами позднее, на Валдае, он похвалил поиск новой концепции и снова подчеркнул приоритет суверенитета. Во второй половине 2000-х путинская команда, завершая реформирование страны, уже не нуждалась в условностях и ритуалах первого срока. И на вербальном уровне диктатуру закона сменила политическая целесообразность, приверженность демократии – индивидуальное понимание таковой, «российская трактовка» определений. Иными словами,

Кремль взял на себя право самостоятельно решать, что такое «демократия по-российски». В своей программной статье «Национализация будущего» Сурков, в целом одобряя демократию и считая ее естественной формой правления для России по причине принадлежности последней к европейской культуре, все же довольно открыто констатирует: наибольшего успеха Россия достигала в условиях авторитаризма. Он и прокремлевские политологи не ставили своей целью разработать набор ориентиров, устремленный в будущее. Для них было важнее создать квазиидеологическое обоснование уже свершившегося факта и косметически «украсить» дальнейшее укрепление авторитаризма, все более уменьшая количество хотя бы видимых демократических процедур. Пока еще в таких «украшениях» была нужда. В итоге, довольно пророческими оказались слова Андрея Казанцева, который в 2007 году определил в «суверенной демократии» еще одну функцию, рекламного слогана, «который легко забыть в случае, если он не докажет свою эффективность».

«Русский мир»?

Еще одним потенциальным претендентом на государственную идеологию путинской России могла бы стать концепция «Русского мира». Ее истоки находятся в имперском периоде, когда, так же, как и сегодня, у руководства государства существовал соблазн оправдать гуманитарно-культурными причинами и религиозной миссией («защита православных народов», «духовный долг великороссов») политическую и военную экспансию. В 1990-х годах «Русский мир» был популярен в среде консервативных и националистических философов и публицистов. Он был связан с желанием «поддержать русских», проживавших после распада СССР в государствах за пределами бывшей РСФСР. Доминирующей позицией в этих кругах был отказ от интеграции русских жителей стран Центральной Азии, Кавказа, Балтии и Украины в формирующиеся новые сообщества, неготовность стать частью политической нации. Вместо этого предлагались охранение и укрепление особых связей с Россией, пророссийская идентичность. Петр Щедровицкий писал в 1999 году о России как «ядре Русского мира», о «стирании границ» между россиянами и русскоязычными диаспорами на постсоветском пространстве. В этом он видел путь РФ к статусу «мировой державы». Его единомышленники предлагали похожие идеи, нередко концентрируясь на «триединстве восточных славян», России, Беларуси и Украины, как «фундамента Русского мира». На такой основе делался логичный вывод: Россия «обладает правом» защищать «соотечественников» имеющимися в ее распоряжении средствами, если руководство страны придет к выводу, что они нуждаются в защите. Однако до середины 2000-х годов данная концепция не имела доступа в коридоры власти. Москва не желала

быть обвиненной в попытках реставрации СССР и вербально признавала геополитическую реальность, сформировавшуюся в Евразии после 1991 года.

Проблематика «русских за рубежом» присутствовала в выступлениях Путина и в самом начале его второго срока. Известные слова о распаде Советского Союза как «крупнейшей геополитической катастрофе 20 века», произнесенные в апреле 2005 года, как раз с этим и были связаны: «Десятки миллионов соотечественников оказались за пределами страны, что для российского народа стало настоящей драмой». Уже после речи Путина на Мюнхенской конференции по безопасности в феврале 2007 года и ряда других подобных высказываний, Кремль открыто взял курс на изменение своего статуса на постсоветском пространстве. Концепция «Русского мира» стала привлекательной для правящего режима. В 2008 году Путин заявил о необходимости «консолидации и структуризации Русского мира», выделив это направление в качестве «приоритета международной политики». Годом ранее был создан «Фонд Русский мир», формально общественная организация с постоянным государственным финансированием, учрежденная министерствами иностранных дел и образования и курируемая Администрацией президента РФ. В кооперации с Россотрудничеством и сетью зарубежных организаций, аффилированных с Москвой, фонд, официально призванный поддерживать русскую культуру и русский язык за рубежом, на практике стал одним из основных проводников «мягкой силы» Кремля. В первоначальной версии сайта фонда в разделе «Идеология» присутствовало ультимативное определение: «Русский мир – это мир России». Ныне целевая группа «Русского мира» объясняется с меньшей степенью экспансионизма, но даже шире, чем ранее, выходящей за рамки диаспоры: «Русский мир — это не только русские, не только россияне, не только наши соотечественники в странах ближнего и дальнего зарубежья, эмигранты, выходцы из России и их потомки. Это ещё и иностранные граждане, говорящие на русском языке, изучающие или преподающие его, все те, кто искренне интересуется Россией, кого волнует ее будущее».

Вместе с тем Кремль на тот момент избегал публичных дискуссий об ирредентизме, то есть присоединении к РФ территорий иностранных государств со значительным процентом этнических русских и/или лиц, использующих в быту русский язык в виде основного средства коммуникации. Такие высказывания оставались уделом националистов и популистов, поддерживающих Кремль, но не являющихся частью круга лиц, принимающих решения. В ряде интервью, в том числе и западным СМИ, Путин уверял, что в его планы не входит пересмотр границ в Европе, а признание «независимости» Южной Осетии и Абхазии в 2008 году обусловлено уникальной ситуацией и не

станет прецедентом. Также подчеркивалась приверженность договорам с Украиной. Аннексия Крыма в 2014 году, военная поддержка Россией «ДНР» и «ЛНР» в 2014–2022 годах и, наконец, широкомасштабное вторжение в Украину в 2022 году показали, что концепция «Русского мира» была для Кремля не абстракцией, а программой к действию на которую Путин неоднократно ссылался в последние 10 лет.

Понятие «Русский мир», включенное во внешнеполитические концепции России с учетом его исторических истоков и воплощения на практике в виде агрессивных действий за пределами страны, имеет определенные идеологические элементы. Но оно не может считаться полноценной идеологией, так как не носит мировоззренческий и ценностный характер. «Русский мир» не дает ответы на социально-политические вопросы, например преобразование или, наоборот, сохранение нынешней системы отношений, у него нет экономической теории. Он лишь якобы предоставляет России эксклюзивные права на территории бывшего СССР, дает возможность «защищать русскоязычных граждан» других стран без их согласия, служит ширмой для попыток Кремля изменить пост-ялтинский миропорядок, противостояния с Западом и агрессии на постсоветском пространстве.

Путинизм?

Впервые понятие «путинизм» употребили журналисты газеты «Коммерсантъ» еще в 2001 году. Но в тот период речь скорее шла об описании управленческого стиля нового президента, чем о контурах модели. Путинизм в виде системы общественно-политических отношений сложился в стране к концу второго срока правления Владимира Путина, а, в особенности, с 2012 года. Эксперты в основном признают высокую степень конструктивной завершенности этой системы, а Андрей Колесников даже писал о «научном путинизме», проводя параллель с научным коммунизмом советского времени. Пять основных характеристик путинизма:

Во-первых, это авторитаризм, отказ от принципов демократии либо низведение ее до чисто формальных ритуалов, таких как регулярные «выборы» на всех уровнях, проводимые без всякой свободной конкуренции и равенства кандидатов, или права и свободы, остающиеся закрепленными в конституции. Путинизм фиксирует грань между авторитаризмом и диктатурой, то есть подавляет любое сопротивление режиму (активное или пассивное), но не требует от всех граждан активного одобрения его действий.

Во-вторых, это ультраконсерватизм, традиционализм и государственный национализм. Путинизм дает этим явлениям шанс на реванш и ставит своей це-

лю энергичное сопротивление плюрализму и глобализации. Задача путинизма – консервация ситуации в стране и сохранение статус-кво как можно дольше.

В-третьих, это продолжение пакта «телевизор взамен холодильника», неформально заключенном в России еще в 2000-е годы. Путинский режим гарантирует значительным слоям населения экономическую стабильность, а взамен получает безусловную политическую лояльность и обязательства невмешательства в политические процессы вне предписанных правил игры. Если на момент полномасштабного вторжения России в Украину в 2022 году это соглашение начало давать трещину, экономическая ситуация миллионов россиян стала ухудшаться, то, не допустив коллапса экономики в условиях западных санкций, Кремль получил пропагандистский козырь в пользу выживаемости своей модели.

В-четвертых, это «защита национальных интересов», а точнее агрессивная внешняя политика, сознательное нарушение сформировавшейся после 1990 года карты Европы и мира. Концепция «Русского мира» стала интегральной составляющей путинизма, его карт-бланшем, «позволяющим» расширение зоны влияния РФ в том числе и с применением военной силы и насильственного поглощения части территории других государств при минимальном фиктивном «обосновании» («просьбы» нелегитимных руководителей территорий, управляющихся из Москвы, «референдумы» без соблюдения процедур и присутствия международных наблюдателей).

В-пятых, путинизм (и это роднит его с «Русским миром») ищет свои истоки в исторических фактах (реальных и интерпретированных в нужном Кремлю ключе, измененных или откровенно сфабрикованных). История СССР, Российской империи и даже более древних государственных образований на территории Евразии в виде обособленных фрагментов вне общего исторического контекста, например, победа во Второй мировой войне, но в отрыве от преступлений сталинизма, представляются в качестве источников легитимности нынешнего режима, по существу, никак с ней не связанного.

В западной политологии и в кругу российских коллег в изгнании идет дискуссия, можно ли считать путинизм идеологией. Мария Снеговая и Майкл Киммадж вычлениют отдельные элементы путинизма и на этой основе признают его идеологическую суть. Для них это этатизм, антизападничество, культурный консерватизм, а также опора на события в прошлом, в первую очередь, на культ Великой Отечественной войны. Еще одним признаком идеологии для авторов служит активное насаждение «патриотического воспитания» в учебных заведениях РФ. Никита Савин, напротив, не видит в путинизме российской

идеологии, по крайней мере, пока. Его основной аргумент: отсутствие устойчивого паттерна в обществе, разделяемого большинством либо заметной частью населения страны. Антизападничество и консерватизм скорее выступают эмоциональными факторами, а ностальгия по СССР связана с менталитетом, неуверенностью в сегодняшнем дне и, как следствие, поиском стабильности по образцу прошлого, а не с поддержкой советской идеологии и желанием построить коммунистическое бесклассовое общество.

Путинизм в настоящий момент не может считаться идеологией. Он не формировался в виде целостной концепции, а возник скорее стихийно, параллельно с укреплением российского авторитаризма. Он не предлагает видения будущего, у него нет законченных формулировок и новизны. Путинизм отличается мимикрией, приспособляемостью под политическую повестку, устанавливаемую нынешней кремлевской администрацией. Идеология также может быть пластичной и претерпевать изменения, однако в ней всегда сохраняется определенное ядро, центральные мессиджи, направленные собственному населению, а также союзникам и противникам на международной арене. Например, после победы группы Иосифа Сталина над группой Льва Троцкого Москва отказалась от концепции мировой революции в максимально короткие сроки в пользу укрепления сталинизма и построения сталинской версии «социализма» непосредственно в СССР, но продемонстрировала верность идейной основе марксизма-ленинизма в политике и экономике, при первой возможности (результаты Второй мировой войны) использовала возможность экспорта своей идеологии в другие страны Европы и мира. Путинизм, напротив, построен по принципу пазлов, набора ситуативных тезисов, каждый из которых может быть изменен в угоду политической конъюнктуре.

Есть ли в России госидеология либо идеология в принципе?

В последние годы необходимость государственной идеологии в России снова стала предметом дискуссии. Например, в мае 2023 года министр юстиции Константин Чуйченко сообщил в своем интервью: «Наша доктрина должна все-таки четко определиться с формированием правового института государственной идеологии и, соответственно, определить соотношение идеологии с нравственными нормами». Похожую позицию высказал в ноябре того же года и глава Следственного комитета России Александр Бастрыкин, прямо предложивший «прописать в Конституцию государственную идеологию». Но эти высказывания встретили откровенное неодобрение Путина. Он на официальном уровне отрицает наличие у РФ идеологии в значении некоего комплексного

государственного проекта и высказывает свое негативное отношение к подобным идеям. В 2021 году пресс-секретарь Кремля Дмитрий Песков на прямой вопрос о наличии у Путина идеологии ответил: «Идеология президента Владимира Путин связана с развитием, стабильностью и процветанием России и каждого россиянина». Сам Путин возвращался к этой теме в 2024 году минимум дважды. В июне, выступая на Петербургском экономическом форуме, он подчеркнул, что это противоречило бы Конституции (имелась в виду гарантия идеологического многообразия, закрепленная в ст. 13), и добавил: «У нас была господствующая идеология — вы упомянули про период Советского Союза. Но наличие господствующей идеологии не уберегло Советский Союз от развала». В октябре он снова утверждал, что «в России нет попыток строить идеологию». Тем самым Путин косвенно критиковал ключевых российских чиновников, допуская формирование новой господствующей идеологической концепции. С другой стороны, этот вопрос для режима явно периферийный, так как ни Бастрыкин, ни Чуйченко, высшие должностные лица страны, не получили за свое предложение никакого взыскания. По этой причине отсутствие в России государственной идеологии может считаться фактом, так как в ином случае это бы прокламировалось официально.

Остается вопрос, есть ли у путинской РФ идеология в принципе, пусть и без формального государственного статуса. В период 2000–2024 годов в России возникли две политических концепции («Суверенная демократия» и «Русский мир», их также можно назвать доктринами) и одна система общественно-политических отношений, в той или иной степени включившая в себя эти концепции (путинизм). Однако все они не удовлетворяют критериям политической идеологии.

Во-первых, у них отсутствует системность, стереотипизация и устойчивость. Это является производной их функции: служить инструментами легитимации режима личной власти Владимира Путина и его окружения, отдельных шагов либо системы действий во внутренней и внешней политике РФ. Первичная цель – сохранение режима, статус-кво, а не воплощение в жизнь какой-либо концепции.

Во-вторых, им не свойственна догматичность либо она проявляется в незначительной степени. Определения и характеристики крайне размыты и могут быть без особого ущерба заменены либо адаптированы в зависимости от интересов ее носителей и развития ситуации.

В-третьих, «Суверенная демократия» и «Русский мир» остаются элитарными и чуждыми глобальности. Распространение этих доктрин не выходит за

пределы российской власти, причем лишь ее части (скажем, экономический блок правительства существует автономно от них), и заинтересованных в ней националистических и ура-патриотических кругов. Путинизм принят по умолчанию большинством российского общества в качестве утвердившихся правил игры, имеет немало бенефициаров вне Кремля, однако он не стал предметом сознательного интереса и поддержки значимых по численности социальных групп. По конституции и ряду других сегментов законодательства Россия остается «демократическим государством», применяющим квазидемократические процедуры, например выборы различного уровня.

В-четвертых, указанные концепции не обладают научным или хотя бы псевдонаучным теоретическим фундаментом. Например, «особое право» России на «защиту соотечественников за рубежом» обосновывается «государственными интересами» и «исторической общностью».

В-пятых, они направлены исключительно в настоящее с опорой на прошлое. Будущее находится вне сферы их внимания. Кремль не предлагает целевым группам и объектам своей экспансии принципиально «новый мир». Например, для жителей оккупированных и аннексированных украинских территорий предусматривается лишь получение гражданства РФ, интеграция в российское политическое, экономическое, культурное и правовое пространство, а также восстановление памятников и топонимики советского периода, то есть консервация в настоящем.

В-шестых, у Кремля нет своей оригинальной экономической модели, частым спутником идеологии. Также не ставится цель ее разработки. В России господствует государственный капитализм с рыночно-либеральными элементами в экономике, необходимыми для поддержания стабильности и выживаемости системы. Скажем, левоориентированные экономические эксперименты, которые могли бы быть логичным следствием «Русского мира», жестко подавлялись Москвой в 2014-2015 годах на оккупированных территориях Луганской и Донецкой областей Украины.

В-седьмых, важным фактором идеологии является убежденность в ее правоте, вера, нередко фанатизм. Российские «кандидаты» на статус идеологии не содержат эмоциональный заряд и обладают очень ограниченным количеством пассионарных носителей. Это связано с крайне слабо выраженным мировоззрением и мироощущением данных доктрин.

Современная Россия не имеет ни государственной идеологии, ни ярко выраженного собственного перечня идеологических установок. Кремль и не стремится стать «идеологичным», ибо это означало бы определенные ограничения в действиях. Путин апел-

лирует к негативному опыту Советского Союза, считая, что немалую роль в стагнации страны сыграла приверженность идеологии, а ее резкий демонтаж, в итоге, привел к распаду. Москва вторична, заимствует фрагменты существующих идеологических теорий и течений в нужном ей контексте и вполне сознательно не пытается создать новый «образ будущего». Эта стратегия Путина роднит Россию (в плоскости условной компаративистики) скорее с рядом латиноамериканских этатистских авторитарных режимов 20 века, которые не были готовы пойти на коренные преобразования, как в Чили и Никарагуа, видели себя вне идеологических рамок либо вольно толковали и соединяли воедино уже имевшиеся идеологические теории, и пытались сохранить существующую систему, связывая власть и общественное благо с конкретной личностью, подавляя инакомыслие и отказываясь от демократических механизмов.

Список источников

Петр Щедровицкий, Русский мир и транснациональное русское, Москва 1999

Виталий Третьяков, Суверенная демократия. О политической философии Владимира Путина, Российская газета, 28.04.2005.

Алексей Чадаев, Путин. Его идеология, Москва 2006

Ivan Krastev «Sovereign Democracy», Russian-Style, Insight Turkey, Vol. 8. No. 2, October-December 2006

Вячеслав Сурков, Национализация будущего, Эксперт 43/2006

Peter Schulze, Souveräne Demokratie: Kampfbegriff oder Hilfskonstruktion für einen eigenständigen Entwicklungsweg? In: Matthes Buhbe, Gabriele Gozka, Russland heute. Rezentralisierung des Staates unter Putin, Wiesbaden 2007

Андрей Казанцев, «Суверенная демократия»: структура и социально-политические функции концепции, Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры – Русское издание, 1/2007

Andrei Kolesnikov, Scientific Putinism: Shaping Official Ideology in Russia, New York 2022

Dmitri Stratievski, Putin forever, IPG, 25.11.2022

Maria Snegovaya, Michael Kimmage, The Ideologie of Putinism: Is It Sustainable? Washington 2023

Никита Савин, Почему путинизм (еще) не является идеологией? RE: Russia, 12.10.2023

Об авторе

Дмитрий Стратиевский, PhD, политолог и историк (FU Berlin), директор Берлинского Центра изучения Восточной Европы (Osteuropa-Zentrum Berlin e.V.). Автор ряда научных и публицистических работ, выставок и проектов по изучению истории и современности постсоветских государств, а также внутренней политики Германии.

stratievski@gmx.de

Есть ли у современной России идеология?

На практике «Суверенная демократия» не означала даже «ограниченную» или «управляемую» демократию. Она не обозначала новую идеологию, а фиксировала конец старой, демократической, лишь начинавшей слабо утверждаться при Ельцине. Ее авторы не ставили своей целью разработать набор ориентиров, устремленный в будущее. Для них было важнее создать квазиидеологическое обоснование уже свершившегося факта и косметически «украсить» дальнейшее укрепление авторитаризма, все более уменьшая количество хотя бы видимых демократических процедур. Пока еще в таких «украшениях» была нужда.

Понятие «Русский мир» имеет определенные идеологические элементы. Но оно не может считаться полноценной идеологией, так как не носит мировоззренческий и ценностный характер. «Русский мир» не дает ответы на социально-политические вопросы, например преобразование или, наоборот, сохранение нынешней системы отношений, у него нет экономической теории. Он лишь якобы предоставляет России эксклюзивные права на территории бывшего СССР, дает возможность «защищать русскоязычных граждан» других стран без их согласия, служит ширмой для попыток Кремля изменить пост-ялтинский миропорядок, противостояния с Западом и агрессии на постсоветском пространстве.

Путинизм в настоящий момент не может считаться идеологией. Он не формировался в виде целостной концепции, а возник скорее стихийно, параллельно с укреплением российского авторитаризма. Он не предлагает видения будущего, у него нет законченных формулировок и новизны. Путинизм отличается мимикрией, приспособляемостью под политическую повестку, устанавливаемую нынешней кремлевской администрацией. Путинизм построен по принципу пазлов, набора ситуативных тезисов, каждый из которых может быть изменен в угоду политической конъюнктуры.

Больше информации по ссылке:

➤ fes.de

➤ russia.fes.de